

Линь Вань'эр и Фань Жожо разглядывали открывшуюся им картину, вытаращив глаза и раскрыв рот. Хотя обе они знали, что Фань Сянь когда-то убил мастера восьмого уровня на улице Нюланьцзе, ужасное зрелище стремительного спуска с крутого обрыва повлияло на них совсем иначе, чем всё, что они слышали о боевых искусствах.

Точность, хладнокровие, сила — всем этим поразила их увиденная сцена.

Даже Фань Жожо, которая всегда доверяла прежде всего брату и была гораздо спокойнее, чем Линь Вань'эр, не удержалась и негромко воскликнула:

— Брат, как ты это сделал?

Фань Сянь поднялся вверх по пологому травяному склону и, глядя на двух барышень, не мог не покачать головой. Он легонько погладил их обеих по макушкам и сказал:

— Это всё постоянные тренировки.

«Если бы вам довелось увидеть то жуткое зрелище, когда У Чжу спрыгнул со скалы за стенами Даньчжоу, вы бы теперешнюю сценку не удостоили и взглядом», — подумал он при этом.

Затем он добавил, нахмурившись:

— Утро ещё раннее, зачем вы вышли из поместья? В горах всё же водятся звери.

Фань Жожо глянула на Линь Вань'эр и ответила с улыбкой:

— Невестка постоянно не застаёт тебя рядом, когда просыпается, вот и попросила меня пойти поискать тебя. Ей было интересно, как ты тренируешься каждый день.

Фань Сянь посмотрел на покрасневшие на морозе щёчки своей жены, протянул руку и потёр ей замёрзший кончик носа. Линь Вань'эр было неловко, что он проявляет нежность на глазах у младшей сестры, и она смущённо отстранилась, в душе всё ещё переживая только что увиденное: оказывается, её муж настолько способный мастер боевых искусств.

Словно догадавшись, о чём она думает, Фань Сянь с улыбкой покачал головой:

— Не думай, что я такой крутой. Мне говорили, что я уже преодолел четвёртый уровень, но не дорос до шестого.

Линь Вань'эр недоверчиво взглянула на него и сказала:

— Я всё-таки росла во дворце и насмотрелась на мастеров седьмого-восьмого уровня. Муженёк, ты всё же посильнее их будешь.

— Правда? — Фань Сянь улыбнулся, вовсе не приняв это за чистую монету, но всё равно с заботой добавил: — Хотя лекарство, которое сделал учитель Фэй Цзе, очень эффективно, но в горах на рассвете сильный ветер. Ты выбежала в таком виде, вдруг простудишься? — с этими словами он плотнее запахнул на ней меховой воротник и произнёс обеспокоенно: — Я с детства привык каждый день тренироваться, и то, что я раньше тебе не говорил об этом, моя вина. Но больше не надо выходить из поместья.

Фань Жожо при виде нежных чувств между братом и невесткой тоже обрадовалась и только молча смотрела на них с улыбкой. Она и не думала, что Фань Сянь повернётся к ней и холодно добавит:

— Жожо, тебе тоже.

Поняв, что брат сердится, она так встревожилась, что глаза затуманились от слёз. Тихо она ответила:

— Я была неправа, я впредь...

Дальше она хотела сказать, что будет лучше заботиться о невестке, одновременно Линь Вань'эр собралась вступить за неё, объяснив, что сама уговорила её выйти.

Фань Сянь же потёр её заледеневшие уши и мягко сказал:

— Ладно у твоей невестки здоровье не очень, но неужели ты думаешь, что твоё здоровье настолько крепкое, что ты можешь ходить куда вздумается? Если ты простудишься, как тебе потом выходить замуж?

Тогда обе они поняли, что сердится Фань Сянь потому, что беспокоится не только за жену, но за них обеих. Подумав о том, как этот молодой человек нежен со своей женой и как заботится о сестре, Линь Вань'эр и Фань Жожо невольно почувствовали, как они счастливы.

На самом деле самым счастливым человеком был Фань Сянь. В горах Цаншань дни проходили за днями, и он словно позабыл всё, что случилось в столице. Бо Сынань через определённое время отправлял к нему гонцов с тайными письмами, и Ван Цинянь тоже передавал ему информацию о столичных делах по своим каналам.

В столице была тишь да благодать, единственным значимым делом был перевод Янь Сяои, командира дворцовой стражи, что когда-то стрелял в Фань Сяня, на север и назначение

командующим гвардией в Сюбэе. Хотя должности были одного ранга, но, поскольку гвардия переводилась на север, начали поговаривать, что его величество сделал Янь Сяои предупреждение.

Мирный договор между государством Цин и Северной Ци уже больше месяца как официально вступил в силу, поэтому гвардии в Сюбэе не было возможности проявить себя. Хоть и став главнокомандующим северными гарнизонами, Янь Сяои в этой ситуации не имел возможность доказать, что полезен, и мог бы сильно затосковать.

Фань Сянь чуть нахмурился, читая письмо от Ван Циняня: было общеизвестно, что Янь Сяои прославился внезапно, с одной стороны, благодаря своим поразительным способностям, превышающим девятый уровень, а с другой — благодаря помощи старшей принцессы, не жалевшей ради него сил. Если император хотел подчистить всё за старшей принцессой, ему стоило бы оставить Янь Сяои в столице, под пристальным наблюдением Контрольной палаты, на крайний случай — повысить, дать ему должность в Тайном совете и поднять оклад, переведя в гражданские чиновники. У него никак не было причин отсылать Янь Сяои на север, да ещё и поручать ему войска.

Он пару раз хлопнул по столу, покачал головой, понимая, что происходит: похоже, император не намеревается атаковать, он просто делает предупреждение какой-то иной силе при дворе. Кажется, в столице будет намного безопаснее, однако как может могучий государь, сидящий на троне уже десяток лет, запросто дать противнику в безопасности набраться сил? С властью императора, возможностями Контрольной палаты и преданностью семьи Е, возглавляющей городскую стражу, можно было бы легко разделаться со старшей принцессой и её скрывающимся в тени компаньоном одним махом.

Вот этого Фань Сянь, как ни крути, не понимал. Он не знал, на что же полагается император, когда с такой отвагой и безмятежностью разглядывает своего противника, но считает ниже своего достоинства действовать на опережение.

Но раз в столице определённо становилось безопаснее, Фань Сянь заметно расслабился, хотя и испытывал некоторые сожаления. Война листовок в столице стала его вынужденной разовой акцией, поскольку он не представлял себе реальной силы императора и не решался ждать. Оказалось, что невольно он способствовал смягчению ситуации.

Борьба за внутреннюю сокровищницу между ним и старшей принцессой вначале не была серьёзной, но после соперники несколько раз втайне померились силой, каждый раз к выгоде Фань Сяня. С характером старшей принцессы, будь она на его месте, то вцепилась бы и уже не отпустила. Если император продолжит играть в эту слегка опасную игру, что ему самому делать?

Убийство старшей принцессы казалось весьма разумным выходом, но влекло за собой множество проблем. Во-первых, сможет ли У Чжу гарантировать, что после убийства не останется никаких следов? Такого наглого вызова достоинству правящей семьи, император, пожалуй, не сможет стерпеть. Во-вторых, старшая принцесса всё-таки мать его жены, и если она действительно погибнет от его рук и потом Линь Вань'эр узнает об этом, то что будет с

миром в семье? В конце концов, смерть второго зятя уже колола сердце Фань Сяня, как заноза.

И последнее, самое главное: Фань Сянь и У Чжу не были уверены в успешном убийстве старшей принцессы. Она уже вернулась в своё имение Синьян, и неизвестно, сколько там скрывалось мастеров. А винтовку... Фань Сянь использовать не решался. Он беспокоился, что знать в столице свяжет это со смертью двух принцев когда-то давно, а потом притянет туда и имя Е Цинмэй.

Фань Сянь выглянул в окно: в горах Цаншань рано пошёл снег, сегодня вечером с неба уже падали лёгкие снежинки, украшая горное поместье своей белизной. Он вздохнул, сжёг письма от отца и Ван Циняня и вышел. После той дождливой осенней ночи он уже принял решение похоронить дела матери в своём сердце до тех пор, пока однажды действительно не сможет контролировать ситуацию.

В гостиной между крытых галерей горела жаровня, тёплая, как весеннее солнце. Линь Вань'эр, Фань Жожо и три присланные из дома девушки-певицы играли в мадяо*, а рядом ещё один человек помогал вести счёт. Фань Сянь вошёл с улыбкой, и три девушки поспешно встали и поклонились, а маленькая служанка, которая застилала постель в глубине комнаты, тоже поспешила приветствовать молодого господина.

Фань Сянь махнул рукой, чтобы они продолжали. Усевшись между Фань Жожо и Линь Вань'эр, он сказал со смехом:

— Раз Сычжэ приехал, думаю, вы все будете плакать.

Линь Вань'эр слегка улыбнулась и ответила:

— В поместье мы как-то играли, и я ничего не проиграла.

Фань Сянь не мог поверить: Фань Сычжэ с ненормальной, неизменной способностью к расчёту не смог победить его милую жену. Фань Жожо улыбнулась и объяснила:

— Невестка не обманывает, тем вечером Сычжэ выиграл у неё только две связки монет.

Глаза Фань Сяня загорелись, когда он посмотрел на Вань'эр и сказал:

— Я не ожидал, что Вань'эр так сильна.

— Во дворце целыми днями нечего делать, а все дамы любят играть в азартные игры, — объяснила Линь Вань'эр с озорной улыбкой. — Понимаешь, во дворце женщины одна расчётливее другой, разумеется, это касается и игры в мадяо, а я прожила во дворце столько лет, конечно, тоже наловчилась.

Фань Сянь усмехнулся:

— Вот оно что.

Другие слуги поместья пили и болтали на боковом дворе. Фань Сянь ступил на чуть припорошенные снежной крупой зеленоватые плиты двора. Позади него лился тусклый свет фонаря и еле-еле доносился стук опускающихся фишек и восторженные выкрики девушек. Он вдруг подумал, что у Чжоу Синчи** была такая сцена во «Влюблённом учёном»***, но бедняга Тан очень страдал, сам же он был счастлив, вот в чём разница.

Вань'эр и Жожо знали, что он каждую ночь покидает поместье, но, увидев один раз сцену его тренировки, они послушно не стали больше об этом спрашивать, а просто смирились.

Выйдя навстречу лёгкому снегопаду, он шагнул на тайную тропку и пошёл прямо в глубь бамбукового леса. У дикой сливы под обрывом он остановился.

Это был самый укромный уголок горы Цаншань. Фань Сянь не глядя вытянул руку, и рука У Чжу как будто протянулась с неба, крепко ухватив его. Благодаря их совместным усилиям, Фань Сянь словно взлетел на одиночную вершину. Оттуда открывался широкий обзор, однако другим было бы нелегко разглядеть сидящего там человека.

Гора Цаншань под лунным светом в снежную ночь была тиха и прекрасна. Фань Сянь взял из рук У Чжу холодный, тёмный металлический предмет, лёг на землю и принялся целиться в торчащие среди снега камни.

* азартная игра, предшественница мацзяна

** гонконгский комедийный актёр, сценарист, режиссёр и продюсер

*** комедийный фильм Чжао Синчи. Буквально название переводится как «Распускающиеся осенью цветы Тан Боху». Тан Боху, он же Тан Инь (1470-1523 гг.), выдающийся китайский художник, каллиграф и поэт династии Мин.